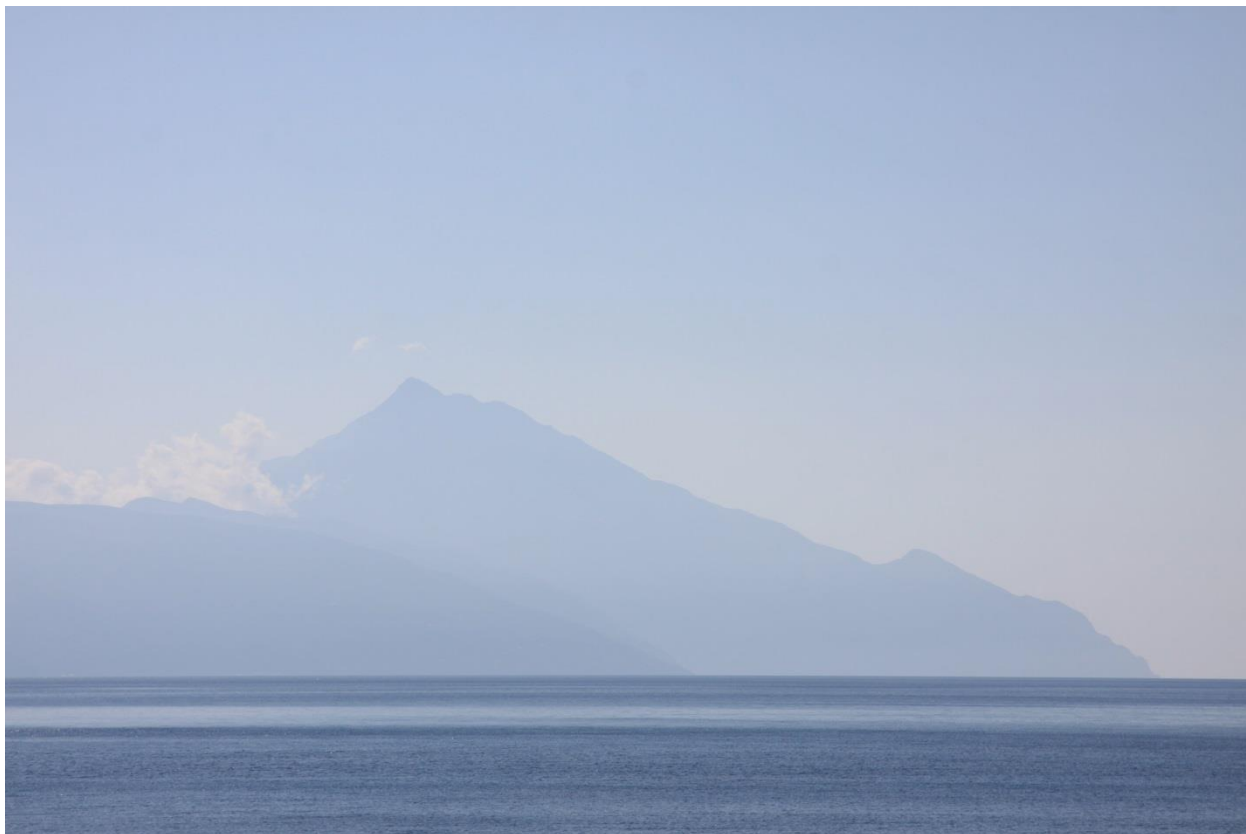

НОЧЬ В ИВЕРОНЕ

Димитрий Тернов

И мне, грешному, посчастливилось... Как послевкусие, послечувствие прекрасного сна, не изглаживается из памяти это лето и три дня в нём на Святом Афоне, - словно осеняют они небывалым прежде счастьем прикосновения к истине, чистоте, правде Божией. Остерегусь ли доверять ощущениям того, что прикасался вживую, явственно к истине, запечалённой в камнях дорожных, в скалах обжитых, растениях, причастных освящённой земле неотрывно... в людях, востекающих сюда, обитающих здесь, стремящихся вернуться и возвращающихся сюда на личном пути к вечности. Уж так давно, будто насильно вынув своё сердце из желанного узилища, от горы дивной - удалился во своя сии, канул в забвенье повседневности, погружаясь всё глубже, всё невозвратнее в обыденное, мелочное, очень важное, всё более значимое в удалении от пережитого... Безусловно, повсюду Ты, Господи. Куда ни отойдёшь – Ты там. И чем Печёры, например, менее благословлены и обжиты Тобою? Всю тебя, земля родная, исходил Господь – говорил поэт о своей Руси. И вся полнота Твоя, Господи, безо всяческого ущерба – в каждой Чаше причастной, за каждую литургией. Не более Ты на Афоне, чем где либо... - слабо и бессильно пытался убедить сам себя – и не мог. Рассеялся кильватерный след парома в лазори небесной ли, во глубинах ли морской, во времени не истекающем никуда под неутешные клики чаек, под сокровенные всхлипывания души. Время действительно не текло тут, но замирало и осязаемо принимало иные формы своего существования, перетекая в глубины душ и материализуясь там неведомо как, в не осознаваемые внятно иные формы и составы, граничащие с духом зазоренным, с плотью посвежевшей, приободлившейся тогда.

И что бы вспомнить теперь, годы спустя, пронзившее некогда особенно. Пожалуй, не вычленишь из сияния тех дней, из благозвучия ночей какого-то особенного, отдельного солнечного блика, полночного веяния, преисполнившего преизбытком радости и неведомой полноты своего существования. Пережитое, как нераздельно целостное ощущение - не дробится на фрагменты, штрихи, музыкальные фразы и отдельные означенные звуки. Можно бы долго и не вполне выверено, по-детски счастливо, лепетать воспоминаниями о целом – восчувствованном тогда. И, вычленив из памяти хотя бы частицу сокровенного и непреходящего, будто бы боль ощущаю теперь, как воспоминание, изнесённое из глубин сердечной памяти. Она отзывается в чувственной скудели, как отделившаяся от целого частица, вынутая из полноты тех дней. Всклипну немножечко этим обрывком целого – об одной из ночей – Богослужения в Ивероне.

Впрочем, передать ли означенным словом сокровенное, не отделяемое от глубин душевных составов. От полноты сердечной – глаголать устам, - этим и оправдаюсь теперь, вспоминая. Нет, не коснусь, конечно же, внутренних мерцаний угаснувшего образа в человеке падшем – не мой это удел, не моя мера суждений. Но вспомню немного из внешних событий, совсем не значительных, но запечатлевшихся в памяти, наполнивших её, будто сиятельными гранями замечательных обстоятельств случившегося паломничества. И станем уповать, что даже упоминание о гранях этих – впечатлениях - смогут хоть как-то поведать о свете неведомом, лучившемся тогда отовсюду. Как знать, быть может, выскажусь и о том, что глубоко сокровенно в личной душевной пучине, не осознаваемой вполне.

Толчая в Уранополисе. Исчезающий, истаивающий скепсис в благожелательной очереди к полицейскому чиновнику в очереди за диамонитирионами – пропусками «в

рай» духовный. Навык – привычка к раздражительности в обыденных мелочах растворяется как-то сразу и отступает мелкий бес, пугливый вблизи царящего отсвета братолюбия. Вот и сынишка мой благоговейно цветёт, счастливый обладатель диковинного документа. «Аксион Эстин» - «Достойно Есть», - можно ли удачнее одарить именем паром к афонским причалам от Города Неба – Небесного Града – Уранополиса. Отчего – то подумалось тогда о древней традиции наделения корабля свойствами живого существа, о восприятии человеческим сознанием рукотворного, но спасающего плавающего тела, как некоего одухотворённого животного. Немецкое «верфь» - от глагола, означающего рождение в жизнь от рождающего, изводящего из себя лона. Вот и увлекает это существо с дивным именем «Аксион Эстин» отроков и мужей в недре своём - ко Святой Горе. И мы с сынишкой в числе счастливых. В окружении совершенно удивительных лиц. Прошу своего малыша заметить это: всё словно бы иконописные лики вокруг, сосредоточенно – углублённые, молитвенно настроенные, действительно серьёзные и обрадованные невидимым. А видимое повсюду, ото всех сторон, – красота тварного мира – словно выталкивает упруго душу из плотского узилища – воспрянуть чайкой и, воскликнув с прочими лёгкими белоснежными – всплеснуть крылами – растворяясь в лучащейся тишине, в упоении этой беспредельной красоты, востекающей к зыблющейся маревом громаде афонской вершины. Ясными бликами играет солнце на волнах расступающихся перед аппарелью «Аксион Эстин». Светлыми вспышками взмывают лёгкие очертания - чаек ли? мановений невесомых ангельских крыл над пристанью Дафни?..

Вот и ворота Иверона... так скоро, ещё не улеглась пыль от колёс автобуса, ещё мысленно не оставил переулков афонской столицы – Кареи, не удалился от иконы Матери Божьей «Достойно есть», – были буквально внесены к ней «тезоименитым» судном и паломническим ручейком, «случайно» подхватившим нас. Пылящая под колёсами дорога, жалкие попытки разглядеть что-либо вокруг в окно... сожаление о том, что не движешься по Святой Горе пешком – слабо утешаешься оправданиями о юном спутнике и надеждами наверстать хоть что-нибудь за грядущие три дня... ещё угодить желанию физического прикосновения к этой земле, к её дорогам, исхоженным святостью. Итак, ворота Иверона, - и не осознать радости от встречи желанного, долгожданного, чаянного и уже достигнутого. Не вместить свершившегося внезапно, не найти ему в себе места. Вот эта малая церковка – параклис, что слева от входа, – та самая обитель, жилище иконы Иверской, благодатной хранительницы Горы Афон... Позволил своему нетерпению лишь заглянуть внутрь, умилиться человеку, молящемуся там наедине с иконой, лицом к лицу с Ней. Не входить же вот так, сразу, не отряхнув пыли дорожной... Заглянули в совершенно пустой Успенский собор, умилившись огромному хоросу, эху, издревле вселившемуся здесь, пространству, напитанному сладостью молитвенной, неизведанной... могучим каменным полам, - не от капища ли Посейдонова, бытовавшего где-то здесь, не от храма ли времён Константина Великого?.. Миловидные коты – доверительно выются играют у ног ребёнка, ластиятся к руке, будто чувствуя своего в человеческом детёныше. Прохлада архондарика, вкуснейшая вода в традиционном соседстве с кофе, лукумом, сухариками, рюмочкой бодрящей ракии. Уютный уголок – приют для внезапно нагрянувших незваных, «не согласованных заранее» гостей, что «хуже татарина». И душ, и постель, и радушие насельников обители. До чего же удивился тогда искренней доброте, мягкости и тонкому умению хозяев монастыря устроить гостя, никак не обременив собою,

удовольствоваться без стеснения, услужить незримо и ровно настолько, чтобы ничем не обязать, не смутить своим участием и обходительностью... буквально раствориться, услужив и наделив необходимым сверх ожидания... Вспомнилось отчего-то о сюжете из аксаковского «Аленького цветочка». Одаренный этим радушием остался наедине с пробудившимся тогда желанием умягчающегося злого сердца - ответить как-то взаимной братской любовью и благодарностью. Подумалось о преподанном невзначай уроке братолюбия, о древнем, ещё пророков ветхозаветных - искусстве духовного подвига странноприимничества, - можно ли встретить подобное в миру теперь? Быть может. Но мне, грешному, например, не доводилось пережить, чтобы вот так незнакомого совершенно одарили любовью, тишиной, мирным духом и радостью искреннего братолюбивого, страннолюбивого - приятия. Ощутил себя и странником принятым, и братом, возлюбленным о Господе, и человеком грешным, не имеющем ни любви в себе, ни навыка ответить тем же сполна, ни благодарности соразмерной хоть как-нибудь. Быть может, так приуготовливалось существо паломника к покаянию – обращению ума, заскорузлого во тлене своих грехов, к пробуждению, умягчению души, навывшей к окамененному нечувствию.

Первое робкое участие в общей молитве на кратком повечерии... братская трапеза, как продолжение общей молитвы – слышал и читал об этом и не мог не удивиться, вкусив такого впервые, – пищи для тела, соразмерно сдобренной, преукрашенной и увенчанной молитвословием... прогулка с сынишкой к морю, к пристани Климентовой, где являлась на водах Богородица Своим Иверским образом. Святой источник, паломнические рукодельные крестики в нише. И небо, переливающееся закатными отсветами, тёплое движение – благорастворяющихся, благоукрашенных воздушных ширь морская, взволнованная неспешной зыбью... - как продолжения Богослужебного ритма в трепетной природе. До затворения монастырских врат – тихое пребывание в беседке у стен. Не хочется говорить ни о чём даже с сынишкой. Думается, что и ему – также – не до разговоров, способных воспрепятствовать, рассеять, опустошить, спугнуть созревающую внутреннюю тёплую полноту. Это ли – желание, жажда молитвы, - и одной только её... о этом ли чувстве, уподобляя его жажде елени на воды пел во времена оны Давид. Не хочет иного душа, ничего не хочет, в жажде этой тихой, возрастающей, неотступной... Вот и в окнах – свет. Вот и приглашает привратник внутрь монастырской ограды ворот, во врата, затворяющиеся – от люда ли разбойного, от зверя ли дикого, от сряща и беса полуденного... Укроемся и мы с благодарностью к хозяевам в отведённой келье - к нехитрому своему правилу, упокоимся до начала ночной молитвы.

От недолгого сна пробудили звуки клепала, - уж, казалось бы, читано – перечитано об этом у всех, оставляющих воспоминания о паломничестве на Афон. Звуки эти, тёплые, живо звучащего дерева и мягко бодрят, и радуют необычайно, взывая к полунощнице, к общему служению Богу. Торжественно величавы обступающие, плотно сгустившиеся сумерки. Чист и ухожен, благоухает ночным цветом едва освещённый двор. Мерцают, отливают на камнях стен, мостовых отсветы лампад и свечей. Легко взмываются на движении и крестных знамениях полы монашеских облачений. Тёмными силуэтами растворяются братья в глубине собора. Вот и мы со чадом канули на дно своих стасидий, растворились там, неприметные совсем, даже друг для друга. Лампады и свечи не выявляют пространство, но сосредотачивают на себе взгляды и молитвенное внимание

человеческих чувств. Не понимаешь умом молитвословия на греческом, но не ведаешь от того ущерба никакого – всё привычно, душа распознаёт родное, близкое и легко открывается навстречу распознанному помимо смысла, знания, помимо уяснённого корнесловия, - просто открывается и радостно впускает в себя слова, звуки, ритмы, символы происходящего действия... игру света лампад, свечей, воздеваемых ввысь, куда-то совсем высоко, почти под купол... Не понимаешь смысла не привычного, невиданного прежде действия движения Богослужбных огней – и принимаешь его, как совершенно органичную естественную правду – без тени смущения. Вот, кажется, и задремал сынишка в своём молитвенном «гнезде». И сам – не дремлешь ли, совершенно не стыдясь, угнездившийся в полумраке, не видимый никем, - лишь у Господа своего на виду. И дремали – это смежение очей, это погружение несмысленное, безотчётное, в тёплую глубь воды благодатной Богослужбного течения ...

Не стал тревожить своё чадо – отделившись от стасидии, вышел один из храма. Отчего вышел, зачем? – не сказать вообще. Быть может, - для того лишь, чтобы потом написать эти строки об увиденном, о восчувствованном. За закрывшейся дверью собора уже не слышно монашеского пения – тут поют иные ночные молитвенники – восторженные цикады. Тут благоухает полнозвучием небосвод, преизобилующий соцветиями звёзд. И вот же, вот теперь, словно приглашает внутрь раскрывшимися створками двери – параклис Иверской иконы. Нет никакой возможности противиться этому приглашению – врываю внутрь. Теперь и я - с Ней, один на один, лицом к лику. Участвовавшее биение сердечное не разрешится никакими словами. Никакой эстетики – Боже упаси сейчас – только родство, только всхлипывание благодарное: Пресвятая Богородице, спаси нас... Обычный поклон, крестное знамение, поцелуй... И необычное – объятие. Никак не смог удержаться от него. Обнял образ, прижался как дитя грудью к персям Пречистой, - прости теперь дерзновение это. Сердце стучалось прямо в киот сквозь клеть грудную. Толцые и отверзется вам – от самого утеснённого, угнетённого, удушенного страдания онемевшей безчувствующей души, от угаснувшего духа, от образа Божиего затемнённого, залепленного грехми, да похотьми, от бес-подобия своего – толцые... и отворят непременно, не отворить не могут никак, - не по – Божьи это - запертость двери перед толкущим слёзно. Так вострепетала внутренняя моя тогда – ко Вратарнице, Лествице, Ею же снидет Бог. Стучался к ней от своей глубины безобразной. И се: это ли отвалилась глыбища нечувствия на миг един от входа гробницы моей сердечной. И приоткрылось печальнейшее зрелище джунглей нелазных, тернистых, да заскорузлых существа моего, не лишённого надежды... Казалось бы, событие это глубоко личное, безусловно частное, персональное событие, касающееся только двух персон встретившихся на миг – Бога и человека – уж не вообразившего ли сгоряча эту встречу. И что бы тогда высекать искры словесные из этой встречи. Но вопреки благоразумной осторожности – решился вот, - засвидетельствовал, высказавшись. И не думаю, что согрешил смертно, вынеся из избы своей, из храмины скудельной вовне, - сор, перемешанный с неопределимым бисером души – откровенничая так для братьев благожелательных. Собственно, только об этом и желал написать, вспоминая, чтобы как-то извергнуть, извести из себя теперь пережитую радость, - быть может, одарить ею неведомого ближнего своего. Прочее – видится теперь только лишь внешней, обрамляющей чередой со-бытия, - приуготовливающего к распростёршемуся тогда объятию и нынешним словам памяти о нём...

Вернулся в собор, - там сынишка, несколько обеспокоенный моим исчезновением, - улыбается в расступающейся понемногу темноте, в исчезающем, истаивающем сумраке. И востекает светило, нет, не само ещё красное солнышко, - но отсветом ли света не вечернего – расцветиваются вдруг лики под куполом, высоко – высоко. Прозябают в раскрывающемся грядущем дне Господнем и очертания образов Божиих в ликах святых, в роскрыши живописной премудрости... И ясно доносится из глубины алтарной собора, уже не имея границ языков, разумений, условностей, будто бы от времени вневременного, от шестоднева ли, от Благовещения ли, ото дня Духова: «Слава Тебе, Показавшему нам свет!»

Дмитрий Тернов

2016 г.